

Ольга Покровская
Встречный поезд
Рассказ

В продуктовом магазинчике между деревней и воинской частью случилась неприятность: кто-то разукрасил железную дверь неприличными надписями. Хозяин магазина Жора — нервный мужичок лет сорока, боящийся всего на свете, — обвинил в происшествии продавщиц Катю и Надю.

— Вы обидели кого-то! — кричал он, вытирая пот с лица лиловой тряпкой и бегая, как ящерка, по маленькой подсобке. — Вы виноваты! Хамите! Я с людьми в мире живу, договариваюсь как человек, а вы грубите! У меня недругов нет, вы наживаете! Кого обидели? Чьи враги?

Дородная деревенская жительница Катя рассмеялась:

— Что ты, Жора? Какие враги? С нашей зарплатой? Плакальщики у нас, а не враги.

Но Жора не верил и настаивал:

— Кто дверь разрисовал? Злобьтесь, тетки... как змеи, а торговля страдает! Вам что? Вам плевать...

Катя что-то вспомнила, облокотилась на руку и мечтательно заулыбалась.

— Эх, Жора... — проговорила она. — Прошло время, когда враги-то у меня были.

— Ага! — воскликнул Жора. — Были!

— В школе, — продолжала Катя. — Я с мальчиком из Берлина переписывалась, модно было. Дружба народов, и все такое. Открытки присылал — красивые. Я на стенку вешала, в школу приносила, — она усмехнулась. — Девчонки бесились. Они завидующие... терпеть меня не могли.

Жора нахмурился. Видимо, представлял расстояние между корреспондентами.

Жена отставного майора Надя, поправив ситцевое платье, негромко вставила слово.

— Чего ж они? Писали б тоже.

Катя улыбнулась снисходительно.

— Попробуй, напиши наугад. На деревню дедушке, что ли? Я не говорила, кому. Это пионерские организации делали на высоком уровне... а у нас-то... колхоз колхозом.

Жора недоверчиво хмыкнул.

Ольга Покровская — родилась и живет в Москве. Окончила Московский авиационный институт. По специальности — инженер-математик. Работала системным администратором, инженером, сейчас — сотрудник службы технической поддержки интернет-провайдера. Печаталась в журнале «Знамя». В «Урале» печатается впервые.

— Как же ты нашла?

— Сестра двоюродная из Воронежа навела. У них в школе было принято, и она попросила: пускай твой друг моей сестре письмо пошлет. Написал, и поехало. Ну, так — он полтора слова, и я ему полтора. В Германии русский зубрили... типа, твоя моя не понимай. Как в школе научат? А я по-немецки ему — что знаю.

— Не делилась?

— Вредная была, — сказала Катя довольно. — Не хотела. Зачем делиться? Чтоб у меня одной, ни у кого больше.

Видно было, что давняя вредность из картинок детства улучшает настроение — или воспоминания радовали сердце. Жора суетливо взмахнул руками.

— Правильно тебя не любили, — резюмировал он. — В армии таких не любят. Кто жлобится. И в тюрьме.

Катя громко вздохнула.

— Я, слава богу, не в армии и не в тюрьме жила. А в Советском Союзе. Разницу чуешь?

Надю интересовало другое.

— Как звали его? Что с ним стало?

Катя покопалась в памяти.

— Гюнтер. Гюнтер Шмидт, — она пожала полными плечами. — Откуда я знаю, что стало. Лет-то сколько прошло... сказать страшно. Столько не живут.

— Может, стуканулась бы, — съязвил Жора. — Глядишь, вспомнилась бы старая любовь. На «мерседесе» бы каталась.

Катя взмахнула обесцвеченными волосами.

— Какая любовь... Дети. Не вспомнит, и адреса нету. Я, как замуж выходила, выбросила. Юрка ж ревнивый был как черт... — она помолчала и добавила, пригорюнившись: — Что интересно. Как мальчик из Берлина был — все ненавидели. А как за пьяницу и шпану замуж выскочила — никто не полюбил... Не посочувствовал...

— Так и надо, — высказался Жора. — Люди злопамятные. Все помнят.

— Злые у нас люди, — поправила Катя с неприязнью.

Сутулая тихая Надя задумчиво оглядела полки с пыльными консервами и сказала себе:

— А у меня недруги далеко.

Жора вздрогнул, а Катя не поверила:

— Они у тебя есть?

Надя серьезно кивнула.

— Еще какие. Дома... в Калиново.

Катя весело отмахнулась.

— Бреешь, Надька, не поверю. Что такое надо было сделать, чтобы на тебя до сих пор зло держали. Сама говорила — ты оттуда уже лет двадцать.

— И что, что двадцать, — сказала Надя уныло. — Бывает, век не уходит. Парень со мной на мопеде разбился. Родня не забыла...

Катя участливо скривилась, Жора остановил передвижения, и в магазине стало тихо и слышно, как гудели мухи.

— Насмерть?

— Насмерть...

— Как же случилось?

Надя опустила печальные глаза.

— Не помню. Давно. Как обычно, по молодости — сели на мопед и поехали. Мало, что ли, молодежи билось? Я в больнице лежала два месяца, у меня трещина была... — она указала на затылок. — В голове.

— Так не ты ж его утробила. За рулем-то кто был?

— А родня решила: выжила, значит, виновата. Мало ли... может, схватилась не так... не за то... сказала чего по дороге... я бы тоже подумала. Помню, мать его на свадьбу прийти пыталась, пьяная, — не пустили... Меня брат защищал, как из армии пришел... — Она понизила голос и пробормотала с ужасом: — Я знаю, она меня в поминание живой записывает.

Катя сочувственно покивала:

— Да... плохо.

— Наш батюшка знает, отказывается — она в город ходит. В городе всех батюшек не предупредишь. Мне сестра писала...

Катя посмотрела на Жору и сообщила:

— Плохо, очень плохо. На здоровье сказывается.

Надя вздохнула.

— Что сделаешь? В суд не подашь.

— Да... — Катя хлопнула ладонью по коробке с пряниками. — Раньше было хорошо — никто про такие вещи не знал, и жили — горя не знали. Да, Жор? Научное мировоззрение. Дурили нас атеисты, скрывали правду-то... А ты на могиле у него давно была?

Надя испуганно поежилась.

— Никогда не была, — призналась она.

— Чего?

— Не знаю. Не могла.

— Надо сходить, — уверенно посоветовала Катя. — Поговорить. Покаяться.

— В чем?

— Мало ли в чем. Что жива осталась. Может, правда виновата. Говоришь же, не помнишь. Перед покойником повиниться не мешает.

— Для этого ехать за тридевять земель? — спросила Надя жалобно.

Недалеко прогудел по дороге грузовик, и Жора, который, пока разговор скатывался в мрачную тему, страдальчески морщился все сильнее, встрепнулся и опять забегал.

— Вы песни поете, а мимо люди ездят. На штраф нарвемся. Думаете, не впаяют штраф? С расчудесным удовольствием, дай повод. А мне платить. В общем, ничего не знаю, дверь отмывайте как хотите, — он изучил своих подчиненных, словно пытался взвесить, чьи грехи по совокупности тяжелее, и ткнул в Надю: — Ты отмывай. У тебя... вина серьезнее... и враги сильнее будут.

За подругу вступилась даже Катя, хотя заступничество было чревато аналогичным со стороны Жоры выбором в ее пользу.

— Сбесился? Что ж, с родины ее потащатся дверь краской рисовать? — Подумав, она доверительно добавила: — Это Мишка наверняка. Мы ему третьего дня водку не продали.

Надя сделала вид, что согласна. Алкогольной лицензии у магазина не было, спиртным торговали из-под полы, местные жители хорошо знали паролы и явки, но Жора все же призывал персонал к бдительности, так как никто не гарантировал от приезда какой-нибудь комиссии или от доноса недоброжелателей.

— Почему не продали? — возмутился Жора, едва не плача по упущенной прибыли.

— Сам виноват, — заговорила Катя в оправдание. — Народу куча, какие-то мужики подозрительные — не наши — ходят, прилавок нюхают... вдруг проверка? Они в пиджаках, в галстуках. Может, месячник трезвости, в претензии будешь, если штраф. А он орать на всю деревню: всегда была, а тут нету... в подсобке пошарьте! Мы его за дверь. Не соображает если, Жора!

Жоре совершенно не хотелось связываться с главным буяном и скандалистом округи.

— Мишка... — пробормотал он недоверчиво. — У Мишки спрошу.

Однако он понимал, что с Мишки, если тот виноват, взятки гладки, к созидательному труду он не способен, а надписи надо как-то ликвидировать. Поэтому он топнул на Надю ногой.

— А ты отмывай! — прикрикнул он грозно. — Я слова не меняю! Отмывай, я сказал!

У Нади заметно испортилось настроение — она помрачнела, не смотрела на покупателей, на товары и деньги считала рассеянно. К вечеру торговля затихла, образовался перерыв, и, когда ушли дети, купившие твoroжные сырки, Надя покорно сказала подруге:

— Пойду правда отмою. Неловко.

— Зачем? — возразила Катя спокойно. — Пускай сам. Не наша дверь, не мы рисовали. Пускай сторожа на ночь наймет, чтобы караулил.

— Нет, правда... потрудиться... — она покраснела, будто сознавалась в чем-то стыдном. — Потрудишься — на душе полегчает. Я так иногда... а то накатило что-то.

Катя от удивления широко раскрыла глаза:

— Спятила, мать? Зачем? Легче будет, если ты Жоркину дверь отмоешь?

— Не знаю, — проговорила Надя убежденно. — Я слышала, надо, полезно.

— Не психуй, — посоветовала легкомысленная подруга и с присвистом повертела пальцем у виска. — Тебя без мужа-то, смотрю, клинит.

В воинской части делать было нечего, и Надин муж, Алексей, работал в Петербурге, а единственный сын служил в армии, и Надя часто жаловалась на одиночество.

— Вспомнилось, — посетовала она, прижав ладонью грудь. — Нехорошо на душе стало. Давно про Петю не думала. Из головы не пойдет.

Катя отмахнулась.

— Ну, если ты от скуки лечишься... Я бы свечку поставила.

Надя согласилась.

— Можно свечку. А можно потрудиться..

— Бред. Сумасшедшая. Чем мыть-то? Краска масляная, ацетоном надо или растворителем... завоняет, от головной боли на стенку полезем. А водой мой не мой — толку не будет. Только грязь разведешь. Зря ты все, Надежда, затеваешь. Помяни мое слово — зря.

Надя, не слушая возражений, взяла ведро, налила воды и, выйдя на крыльцо, принялась ожесточенно скрести ржавую дверь ветхой тряпкой из обрывка сахарного мешка. Катя была права, надпись не поддавалась, а делалась ярче на фоне посвежевшей двери. Было тихо. Темнело, и чуть пахло дымом — в стороне, за сараями, кто-то палил костер. Пронзительно звенели комары. Потом вспыхнули фары, скрипнули тормоза, и рядом с магазином остановилась немытая «Нива». Хлопнула дверь, вылез незнакомый мужчина средних лет и окликнул издалека:

— Женщины! Работает магазин?

Надя выпрямилась и отодвинула ногой ведро.

— Работает... заходите.

Мужчина, одетый в замызганную камуфляжную форму, подошел, пригляделся и провел рукой по лысине.

— Эк вас обидели... Хулиганье.

Надя открыла перед ним дверь.

— Я бы таких ловил и мордой об железо, — сообщил лысый. — Чтобы нос в лепешку. А лучше — ток через дверь пропустить, удерживающий можно. Знаете физику? Хорошо действует. Прилип бы как миленький и вас

дождался. Правда... — он задумался. — Если кистью работал, то кисть — изолятор. Вылезай! — он махнул кому-то рукой.

Из «Нивы» вылез молодой рыжеволосый парень в ярко-красной майке и легкомысленных зеленых шортах, с воспаленными пятнами на незагорелом лице. Лысый прошел в магазин.

— Паста зубная есть у вас? — спросил он у поднявшейся навстречу Кати. — А таблетки от комаров? — Он оглядел полки. — И дайте, что ли, баранок — мы с отцом Павлом чаю с медом попьем. — Он достал кошелек, раскрыл и пояснил: — Мы рой отцу Павлу везем.

— Рой? — весело переспросила Катя.

— Да, в сарай залетел и зацепился. Его вон, — он кивнул на спутника, — искушали. Шкура нежная, деликатная. Это мне, старому бегемоту, ничего не делается... Нам не нужен, а у отца Павла пасака. А дверь мыть бесполезно, не отмоете. Надо закрасить погуще, чтобы не проступало. — Он снова погладил лысину, подумал и велел рыжему спутнику: — Ступай принеси из багажника... как это... автоспрей. Краску принеси.

Рыжий разразился длинной фразой на непонятном языке.

— Спрей, спрей, — лысый показал руками, будто пшикал. — Для авто. Оставалось, помнишь?

Рыжий кивнул и пошел к машине.

— Турист, что ли? — спросила Катя.

— Зять, — сказал лысый с гордостью, будто иноязычный зять был его заслугой. — По-русски ни бум-бум. Понимать стал понемногу. Но говорить не говорит. Что сделаешь? Человек не попугай — слова твердить, соображать нужно. Я к ним приезжаю — через три дня балакать начинаю. А у нас забываю, — он вздохнул. — Выветривается. Легкомысленный язык.

— Какой? — поинтересовалась Катя. — Что за язык-то?

Лысый степенно расплачивался.

— Английский. Не узнаете?

Катя покачала головой.

— Татарский слышали, дагестанцы приезжали, а англичан не бывало.

Рыжий вернулся и подал тестю баллончик с краской.

— Держите, — сказал тот великодушно. — Немного... может, половина будет, хватит. Буквы замажьте, и все.

Он собрал с прилавка копейки и вышел. На улице хлопнула дверь, и «Нива» тронулась.

Катя брезгливо понюхала баллончик.

— Говорю, воняет... Хотя... дареному коню...

Она погрустнела.

— Вот ведь, — сказала она Наде. — Я с берлинцем по глупости, по детству, дурью маялась. А нормальные люди гляди, пользуются. Кто-нибудь умный как сыр в масле катается. Кто бы нам в детстве ума-то подкинул...

Надя неопределенно согласилась, а в магазине с беззубой улыбкой возника, ковыляя, старушка из соседней деревни. Катя всплеснула руками.

— Баб Зин! Куда вы за шесть километров пешком! На ночь глядя! Сосед богатый что ж хлеба не привезет? Он заходил, мимо проезжал. Я б знала... Хоть какой-то толк бы с него, бугая дурного.

Старушка сняла с плеча кошелек.

— Иначе сдохну, Катюша, — пропела она приветливо и подмигнула. — Сосед сгодится. Праздник будет — мы с ним наливочки сладкой выпьем, угостит... На ночь я вслепую дорогу найду. Кто меня тронет?

— И сдохнете, — пообещала Катя бесцеремонно, выкладывая буханки на прилавок. — В дороге ноги и протянете, если себя не пожалеете.

— Значит, судьба счастливая, — прошамкала старушка беззлобно. — Не мучиться.

Надя, утомившаяся от похоронной тематики, пошла выполнять урок.

— Дверь закрой, — бросила вдогонку Катя.

Когда дверь вместо паскудных надписей украсилась зеленоватым пятном, наступил поздний вечер, и пора было закрывать магазин. Надя, опустошив баллончик, вернулась внутрь, а Катя устало пересчитывала деньги.

— Счастливая ты, Надька, — проговорила она тоскливо. — И квартира, и сын в порядке, и муж из Питера деньги присылает. Даже с краской повезло. Бог мужика с зятем послал... не мучиться, руки не бить.

У Нади, повидавшей мир, было другое представление о счастье.

— Квартира... что? Квартира есть, а работы нет. Загнали сюда на старости лет, попрём в брошенной дыре. Может, хоть Витька выберется, не оседет здесь, глупости не сделает. Еще свет-воду поотключают... Разгонят армию — кто вспомнит, кому мы нужны? Сколько по частям мотались. Хоть бы в городе дали. Вот в Саратове... — она блаженно заулыбалась. — Я б в Саратове с удовольствием осталась. Хороший город... Волга... занятия какие хочешь. У меня ж диплом, я цветовод-озеленитель. А здесь делать нечего.

Катя пренебрежительно задрала нос.

— В Саратове в какой год с голоду помрешь. А на земле прожить можно. Лес, поле... Денег не будет — на подножном корму.

— Ох, — протянула Надя. — Не знаю...

Послышался знакомый рев битых Жориных «Жигулей». Отворилась дверь, и хозяин, хватая горстью комаров, сунул нос в магазин. Он успел заметить изменения на фасаде владений, поэтому был возбужден и доволен.

— Жора, — сказала Катя с чувством. — С тебя причитается. Тебе вовек с нами не расплатиться, где ты сокровище, как мы, найдешь? В любой беде спасаем, а ты не ценишь.

— Что, справились? — сказал Жора с облегчением, что подчиненные оказались ответственны. Потому что, забастуй они, не оставалось бы ничего, как, роняя авторитет, решать проблему самому. — Правильно. Вот так. Я к Мишке ходил — жена говорит, нет его третий день, в городе он, на вахте. Так что не Мишкины это дела. Ваши.

Надя устало шла домой, думая, как придет в пустую квартиру, которой позавидовала подруга. Саднили неприятные воспоминания. Она раньше считала, что трагический эпизод юности погребен под гнетом поздних событий, но оказалось, рана не зажила. Она смотрела на себя со стороны и удивлялась, что ни разу не была на Петиной могиле, что ей не приходило в голову, и она не знала, что там делать. Топтаться без толку у покосившегося креста представлялось лишенным смысла. Она попыталась восстановить подробности, предшествовавшие роковой поездке, но в очередной раз обнаружила, что не помнит абсолютно ничего. Это был обыкновенный эпизод, обыкновенное лето, когда много катались, много плавали в речке у запруды, много лазили через забор — на свалку цветмета по соседству. Никто не думал, чем закончится рядовая поездка. А может, виной ее беспамятства было последнее пребывание в больнице, где она лежала без сознания.

Ближе к части, на обочине дороги, она увидела полусъехавшую в канаву машину с распахнутой дверцей, и кто-то, стоя рядом, громко перекликался с пассажирами и водителем. Надя услышала несколько раз слово «трасса» — вероятно, машина приехала оттуда, с федеральной трассы, в десятке километров. Вблизи стало ясно, что это деревенские парни, а разговаривает с ними Аня — невысокая девушка, которая считалась невестой сына Вити, чему Надя сопротивлялась изо всех сил. Она недолюбливала Аню за то, что та жила не в городе, а в бесперспективной для нормального человека глуши, что она недостаточно предана Вите и что у нее неприятная мать — хитрая побирушка-инвалид, которая по ворохам всевозможных справок числилась

чуть ли не при смерти, но с утра до ночи пахала в огороде как каторжная или ездил по инстанциям, выпрашивая всевозможные пособия. Анина внешность Надю тоже не устраивала: на Ане в любую жару было надето как минимум четыре вещи — накидки, какие-то двойные юбки, кофты — но все равно были чересчур открыты грудь и ноги. Надя прошла мимо, сделав вид, что не узнала Аню в темноте, но та оставила приятелей и догнала Надю.

— Здравсте, тетя Надь, — она засеменяла рядом, подстраивая шаг.

— Ты чего с ними? — спросила Надя недовольно и предостерегла: — Не садись...

Аня очень удивилась.

— Чего это я с ними сяду? Они пьяные, а я трезвая.

Наде была непонятна логика, напрашивался вывод: выпила бы — и села в машину к разудалым парням? Но Надя промолчала, только укоризненно добавила:

— Тем более. Они же разобьются.

Аня, кивнув, охотно согласилась, вызвав у Нади неприязненную дрожь.

— Разобьются обязательно. Как дачные — в прошлом году. Ночью за добавкой поехали на станцию, все в овраге, — она хлопнула в ладоши, — и остались. Автогенном крышу пилили. Срезали — головы в лепешку...

Надю покоробил бодрый тон.

— Не надо... — попросила она, подумав, что ничего в мире не меняется, и добавила: — Раньше на мопедах... на мотоциклах бились, теперь на машинах.

— На мотоциклах и сейчас бьются, — откликнулась потенциальная невестка с оптимизмом.

— Как мама? — спросила Надя, прервав разговор на злободневную тему.

— Не знаю, — бросила Аня.

Надя даже остановилась.

— Как это «не знаю»? Ты чего, дома не живешь?

Аня подозрительно замялась.

— Живу, просто она как-то... Все где-то ходит.

Надя побрезговала разузнавать, где обретается Анина мать. Вместо этого она придирчиво спросила:

— Чего ты про трассу? Потянуло?

— Да вот... — отозвалась Аня неопределенно. — Думаю, пирожки возить... водителям, чтобы покупали.

Надя недоверчиво покачала головой. В ее понимании молодые девушки были востребованы на трассе только в одном отношении, а снабжение водителей давно было установлено, поделено и взято в железные руки.

— Ой ли, пирожки... Станут водители пирожками питаться! Баловство, не еда. Забегаловка есть, ассортимент расписан.

Аня возражать по существу вопроса не стала.

— Между прочим, — лукаво заметила она, срывая придорожную травинку. — Соседа вашего сверху, Андрюху, там видели — сидел капитально, пил. Косорыловки набрался, грозил жену пристрелить, так что ходите осторожно. Как бы не зацепил. По дурости.

— Что за бред. За что? Из чего?

— За что? — Аня рассмеялась. — Вам виднее, вы рядом бываете.

— Я, Аня, дома почти не бываю, — с горечью призналась Надя. — Пусто дома.

Аня озорно подсказала:

— А вы у Сереги спросите.

Серега был богатым — по местным меркам — соседом бабы Зины, фермером, предпринимателем, трудягой, авантюристом и отчаянным любителем женского пола. Надя огорчилась.

— Что болтаешь. Сплетни разносишь. Сплетни не люблю...

Аня похлестала себя травинкой по ноге.

— Не знаю. Только Андрюха в оружейную комнату бегал. Знаете? Не пустили, повязали, капитан ваш приходил — лекцию читал на тему семьи и брака. И противодействия экстремизму. Пригрозил, закатит пожизненно, если что, по статье за терроризм, — она ухмыльнулась. — На Андрюху разве подействует? Если завелся... Он взрывчатку в лесу искал, но ее, говорят, лох с нуля не найдет. Приметы надо знать, либо миноискатель нужен. Так он, говорят, у ребят каких-то, у пацанов дачных, самострел отобрал — пристрелю, говорит, и точка. Застану, мол, — положу обоих.

— Из самострела не пристрелит.

Аня возразила со знанием дела:

— Не говорите. Если в глаз, то насмерть легко. Пулькой металлической. Какой самострел. Те пацаны из него двух собак застрелили.

— Собак? Из самострела?

— Ну да. В ухо стреляли. Один собаку держит, другой самострел подносит. Не видели? Две собаки там, в лесу, лежали, потом Николай на тракторе ехал — землей их присыпал...

— Не знаю, — сухо сказала Надя. — По лесам не хожу. Ерунда. Давно он вышел? Опять за решетку захотел? Не насиделся в клетке?

— Не знаю, не знаю, — повторила Аня. Они дошли до развилки, где начиналась дорожка к Надиному дому.

— Маме кланяйся, — приказала Надя и оставила Аню без церемоний. Она прошла заросшую детскую площадку, принялась к дыму, который смешивался в темноте с запахами луговой травы, и оглянулась в тревоге, не горит ли какой сарай. Дым поднимался из-за кипрейных зарослей, и Надя, подойдя ближе, увидела, что не сарай горит, а у кого-то костер в бочке, а из нее поднимается едкий дым, как от паленой резины.

Она пригляделась. Ей показалось, что она узнала темную фигуру, сидящую за бочкой и выставившую к свету острые коленки.

— Мишка, ты? — окликнула она.

Фигура затаилась и подалась в тень.

— Мишка, ты? — повторила Надя. — Мишка, дверь — твоя работа?

Мишка выскочил из-за бочки, сгорбился и, не оглядываясь, припустил прочь, придерживая спадающие штаны. Надя попыталась преследовать убегающего преступника.

— Мишка, что же ты, гад, делаешь? — говорила она, скользя по мокрой траве. — Совести в тебе нет. Думаешь, мы просто так не продали? Пойми, не можем мы при посторонних. Жора не велит. Закроют нас — думаешь, лучше станет? А Зойка твоя? Что врет? На вахте он! Так и поверили — на вахте! Я Жоре скажу, учти, все скажу!..

Ей хотелось пригрозить, что Жора заставит безобразника отмывать дверь, но она вспомнила, что отмывать уже нечего, она выполнила работу за негодного Мишку, приняла несправедливый выговор от Жоры и вспомнила чувствительные моменты из жизни, которые предпочла бы оставить в глубине памяти нетронутыми. Мишка тем временем сделал пару больших скачков и исчез в кустах, оставив Надю с чувством обиды.

Обида еще точила Надю, когда она пришла домой. Она долго бродила из кухни в комнату, и ничего не хотелось: ни есть, ни пить, ни смотреть телевизор. Томила мысль, что, должно быть, Петина мать снова записала ее в поминание, и вот навалились напасти: разрисованная дверь, Жорина несправедливость, одиночество, тяжелые мысли, тоска по мужу и по сыну. Подумалось, что, не случись страшной аварии, ее жизнь могла сложиться по-другому, без постоянной нужды, вечных шатаний по нищим гарнизо-

нам, разлуки с мужем, который день за днем, помимо службы, бился, зарабатывая деньги, и которого она от этого почти не видела — как не видит сейчас. Не было бы глухой чужой деревни... продуктовой лавки, где летом жарко, а зимой Надя простудила почки, беспокойства за сына, который в армии, а после вернется в полузабытую часть.

Беспокойство было таким сильным, что она не выдержала, отыскала телефонную карточку и позвонила в Калиново — сестре.

Подошел сестрин свекор, бестолковый и глухой на оба уха, и долго не мог понять, кого надо и кто звонит. Потом минут пять искали сестру.

— Ой, Надька! — прокричала та, прибежав к трубке. — Как у вас, в порядке? А у нас-то! Светка меня в бабушки записала, может, к ноябрьским родит, такие дела! Доигралась, дура! Говорила я ей... Никаких сил, Надька, не хватает!

— Отец-то кто? — спросила удивленная Надя, которой чудилось, что племянница недавно пошла в школу.

— Уф, отец... Мужик взрослый, за тридцать. Дурища.

— Кто, я знаю?

— Не знаешь. Он лет пять у нас появился, после зоны осел. Ни кола ни двора, идти некуда.

— Не отказывается? — вздрогнула Надя.

— Нет... чего отказываться. Расписываться хоть завтра. Тем более — мальчишку ждем. Ему лестно — наследник. Наследовать вот нечего... Беда, Надька, да и только.

— Может, к врачу? — подсказала Надя робко.

— Поздно к врачу. Срок большой. Ума-то у кобылы нету! Хорошо, вообще обнаружила. Так бы и родила, идиотка, не заметив. У меня-то и на дух ничего, и дел много, Надька, если честно. Бегаешь-бегаешь, пашешь как лошадь... А свекровь говорит: чего она бледная, отекающая, и вены на руках будто вспухли. Глаз — алмаз... Убила бы дуру.. Мужик он, конечно, ничего. Хороший мужик. Руки золотые. За все берется, что хочешь сделает.

— Может, и ладно? — подсказала Надя. — Что страшного?

— Что страшного? Жизнь у него страшная. Душа злая, мертвая. Глаза зальет — в драку. И дерется больно. Ей разве такое нужно? Она девчонка, ей бы парня молоденького, нежного, чтобы поласкал хоть годик, поберег... А в нем умерло все. Ему бы тетю Мотю какую-нибудь, лет за сорок — жизнью битую.

Надя расспрашивала автоматически, ей было жаль сестру, но полужнакомая племянница ее не волновала.

— А вообще? — говорила она. — Что нового?

Сестра что-то вяло рассказывала, но ее интересовала только дочь.

— Как Лида, Вера? — спросила Надя между прочим. — Как Ефимовы?

— Кто? — не поняла сестра.

— Ну, Ефимовы, Пети-покойника родня, — напомнила Надя.

— Какого покойника?

— Да Пети! С которым я в аварию когда-то попала — помнишь? Вспоминала чего-то...

— Ой, Надька, — сестра вздохнула. — Сообразила через сто лет. Сгорели.

— Как сгорели? — ужаснулась Надя.

— Весной. Все сгорели — она, невестка... сын был на работе, а внук у другой бабки гостил. Пьяные были, наверное. Она ж пила сильно, и невестка прикладывалась.

— Ох, — только и сказала Надя.

— Не говори. А ты не знала? Пожарные приехали — одни головешки черные остались. Еще рвануло — видно, баллоны с газом были в кухне.

Да, да, — она поняла, почему Надю занимает эта тема. — Видишь, не рой другому яму. Нехорошо так говорить, но ее, может, бог наказал — за тебя, за то, что зла желала.

Положив трубку, Надя поежилась. Ей не стало спокойнее от вести, что главной ненавистницы нет в живых и некому заказывать ее поминание в заупокойных службах. Потому что полоса невезения не прерывалась, и, стало быть, причина была в другом. Ей захотелось позвонить мужу, она набрала номер его мобильного и похолодела, услышав сквозь треск помех незнакомый голос. В голове вспыхнули видения страшных догадок.

— Алло... — пробормотала она. — Леша... Леша? Кто это?

— Леша нет, — ответили лениво. — Кто спрашивает?

— Жена спрашивает! Где он?

— Надь, ты? Это Саша, привет... Леша на смене, Надь.

— На смене? — проговорила Надя подозрительно. — Почему телефон у тебя? Почему не с ним? Чего ты трубку берешь?

Далеко зашумело, потом голос пропал и опять возник.

— ... а зачем? У него рация. Чего ходить с двадцатью приборами? Не знаешь, кому отвечать, за какой хвататься. Передать что, Надь? У него все в порядке, не волнуйся. Супер! Погода только — дожди идут. Климат... у меня приступ был, астматический, — душно и влажность. А Леша ничего... Как у вас?..

— Рация... — Наде представились усталые гаишники на трассе и штраф, который они когда-то заплатили за пересечение сплошной, — пока они стояли, на другом километре впереди перевернулся автобус...

— Скажи, хорошо, — сказала она Лешину соседу по общежитию. — Пока, время...

Смирившись с тем, что муж недоступен даже для телефонного разговора, Надя легла спать, но ей не спалось. Сначала заболела голова, собранная когда-то районными хирургами и время от времени дающая о себе знать. Надя встала, выковыряла из облатки таблетку анальгина, подумала и добавила еще. Таблетка попала на язык, и Надю передернуло от мерзкого вкуса. Боль начала отступать, но Наде почудилось, будто в квартире что-то не так. Она легла, накрылась одеялом до глаз, и ее заколотило от страха. В комнате ощущалось чье-то присутствие — скрипнула половица, потом еще. Колыхнулась занавеска. В окне, выходящем в поле, было темно. Внезапно мелькнул белый призрачный свет, легла тень на занавеску, и Надя увидела, как в окне мелькнул светлый ангел, приземлился на балкон и сложил серебряные крылья. Что-то звякнуло, разбилось со стеклянным звуком, ангел снова махнул крыльями и исчез. Надя была ни жива ни мертва. Она с бьющимся сердцем гадала, что это могло значить. Что с сыном? Что с мужем? Или Петя являлся к старой знакомой? Потом боль ушла, и измученная Надя провалилась в сон.

Ей снился тяжелый, бессвязный бред, голова была тяжелая, и под утро ее разбудил громкий, как раскат грома, звонок в дверь. Надя подскочила и с ужасом, что проспала, кинулась к часам. Была половина пятого, и голые пятки охватил утренний холод. Звонок повторился. Накинув халат, трясущимися руками, с чувством ужаса от вероятных дурных новостей, Надя отворила дверь. На лестничной клетке стоял всклокоченный фермер-капиталист собственной персоной во всей красе — майка, испачканная машинным маслом, корявая, дочерна загорелая физиономия, уши-пропеллеры и кривые ноги в спортивных штанах. Вид у Сереги был смиренный и виноватый. Не выдержав, Надя сказала в сердцах:

— Чтoб тебе провалиться!

Серега воровато оглянулся и попер в квартиру.

— Ты куда? — возмутилась Надя. — Чего надо?

— Слышь, Васильевна, — сообщил Серега приглушенно. — Только шума не поднимай...

Он юркнул в Надин коридор и прикрыл за собой дверь.

— Что тебе надо ни свет ни заря? Куда ломишься? С ума сошел?

— Слышь, Васильевна, — повторил Серега. — Ты того... я там банку с компотом на балконе раздавил. И цветок какой-то. Ну, торопился в темноте... у тебя черт ногу сломит. Молчи, будь человеком. Я банку возьму.

— Банку... — пробормотала Надя. — Какую банку?

— Не знаю, тебе виднее, что там у тебя. Я взамен одной две куплю. Ситуация — кто знал, что Андрюха ейный вернется... И вообще — чего банки на балкон ставишь. Воров приманивать. Захотят закусить, заберутся...

— Господи! — Надя чуть не заплакала и обнаружила, что руки у нее еще трясутся. Серега почесал затылок.

— И цветы принесу. У Митьки возьму. Митька дачи сторожит — каких угодно цветов добудет. Хоть астры, хоть георгины. На дачах такие растут — на свете нет, оранжереи отдыхают. Цветники, альпийские горки... что хочешь.

— Чтоб ты пропал, — повторила Надя. — Бабник проклятый...

У нее бессильно подломились ноги, и она опустила на ящик в прихожей.

Серегу обескуражили ее дрожащие губы, слезы на глазах и побелевшее от ужаса лицо. Он задумчиво поворочал скулами и решительно добавил:

— Я еще денег за молчание дам, — он зашарил по карманам.

— Уйди ты с деньгами, — вяло возмутилась Надя. — Обалдел? Не возьму.

— Нет-нет, — воодушевился Серега, доставая мятую тысячную. — Смотри: у нас договор будет. Деловое соглашение. Ты — молчишь. Я — оплачиваю. Без денег у тебя обязанностей нет, а с деньгами — есть. Правильно? Есть товар — он денег стоит, есть услуга — тоже... Товар дорогой. Смотри — много даю. Ты за тысячу эту на своего жмота сколько вкальываешь? Неделю? Две? Но уж и ты постарайся, рот на замок...

— Сдурел со своими деньгами, сдвинулся на них... — Надя попыталась оттолкнуть незадачливого ловеласа, но натренированная рука уверенно скользнула по ее бедру прямо в карман халата. Надя испуганно отпрянула, и тысячная бумажка осталась в том месте, куда ее положил опытный взяточник.

— Смотри, Васильевна, — довольно ослабил местный бизнесмен. — Условились.

Он шустро, на цыпочках, исчез. Оставшись одна, Надя попыталась прийти в себя. Она разгладила на колене мятую купюру. Тысяча рублей была для нее огромной, нереальной суммой, только Сереге по силам было швыряться деньгами.

Пока она унимала дрожь в пальцах и нюхала тысячную бумажку, снова раздался звонок в дверь. Вздыхнув с разочарованием, Надя подумала, что Серега, конечно же, пошутил, а сейчас передумал и вернулся забирать деньги.

Она открыла. За дверью переминался Жора, морщась от аромата гнилой капусты из подвала и дергая острым носиком.

— Тебе чего? — спросила Надя, пряча деньги за спину — чтобы работодатель не решил, что платит слишком много.

— Извини, — проговорил Жора. — Напустился на тебя вчера. Наехал...

— Бог простит, — ответила Надя хмуро. — Я Мишку видела.

Жора кивнул.

— Я тоже видел. Подлюка. И Зойка его подлюка. Верись людям...

— Не тем веришь, — сказала ему Надя укоризненно. — Своим надо верить, а не чужим. Свои не обманут.

— Свои-то как раз... — вздохнул Жора и сообщил: — И штаны у него, паршивца, в краске. Во дворе сушатся. Извини, Надежда, виноват... Заставил тебя...

Жора старался жить со всеми в мире и согласии. У Нади возникла неожиданная идея, как потратить свалившиеся капиталы.

— За то, что я безвинно тебе отработала, дверь покрасила, — дай отгул дня на четыре? Отпусти? Я с Катериной договорюсь.

— Отгул... — забормотал Жора недовольно. — Зачем тебе отгул? Огорода у тебя нет, скотины нет... Грибы собирать пойдешь? Побочный заработок? Все вам мало...

— К Лешке съезжу.

— К Лешке? — Жора удивленно захлопал глазами. — Зачем? Он же месяц назад приезжал.

— Не месяц, а два.

— Ну, два, все равно.

— Жора, — сказала Надя. — Ты совсем дурак?

Жора изобразил страдальческую гримасу и махнул рукой.

— Эээ... едь! Пейте мою кровь! Но чтобы смотри — туда и обратно! Поняла?..

Плацкартный вагон до Питера был грязный и душный. Проводница, проверявшая билет, улыбнулась и сверкнула двумя ровными рядами железных зубов — на одной стороне лица, и Надя невольно подумала, что такое бывает после тяжелой травмы. Она расположилась на нижней полке. Напротив оказалась бледная тихая женщина с синеватыми губами и глубокими складками у носа. Когда поезд со скрежетом тронулся, соседка стала расставлять по столу пластиковые баночки и стаканчики.

— У меня язва, — пояснила она так печально, что Надя почти ощутила боль в желудке.

С верхних полок, с серых матрасов в полоску, свешивались двое мужчин: один средних лет, и второй — молодой парень. Места вдоль прохода пустовали. Явилась железнозубая проводница с кипой сложенного белья и крепко встала ногами на ширину плеч:

— Постель будем брать, молодежь?

Язвенница потянулась за простынями, а парень буркнул:

— Я не буду. Плати за ваше белье... Восемьдесят пять рублей... Обдиравка.

Мужчина средних лет тоже не изъявил желания. Проводница покосилась вверх недобрым взглядом и многозначительно сообщила:

— У меня на той неделе два полотенца украли.

— Мы полотенце не крадем, — обиделся парень, приняв реплику на свой счет. — Не нужны нам ваши полотенца.

Проводница нахмурилась.

— Вроде никто не крадет, — она обратилась к пассажиркам. — Все приняла, пересчитала, потом пересчитываю снова — двух полотенец как не было. Кто-то мимо проходил, не погнушался.

— Кипяток будет? — спросил мужчина.

— Обождите. Кипяток позже.

Язвенница взяла бельевой комплект и, встряхивая простыни, принялась стелить постель, а мужчины лежа сверху разглядывали попутчиц. Потом мужчина средних лет произнес игриво:

— Вы, женщины, нижние полки берете, на обмен не рассчитываете. Хорошо, сейчас можно. Мы бы с вами и так поменялись.

— Если вы попадетесь или сознательные, — пожаловалась язвенница задумчиво. — А поедешь с бабушкой — упрется как осел, убогая, и что де-

лать? Или ребенка повезут. А мне обязательно нижнюю полку. Ночью лекарства пить, чтобы под рукой были, на столике.

Закончив стелить, она села и, словно в виде иллюстрации, сделала глоток из пузырька.

— А я падать не могу, — объяснила Надя, которая не стала тратиться на постель. — Даже рисковать вообще, — она объяснила с оттенком гордости. — У меня голова... Трещина в голове была. Я в шапочке ходила — после аварии. Я погоду чувствую. Когда магнитная буря, потепление или мороз.

Парень хмыкнул:

— Хорошо вашему мужу, прогноза не надо.

Надя удивилась, а мужчина средних лет не согласился:

— А чего прогноз? Прогноз денег не стоит. По телевизору бесплатно говорят.

— Так можно телевизор не включать. Или нету у кого.

— Фью! Сейчас телевизор у всех. А то — радио слушай, — мужчина средних лет внушительно проговорил с сумрачным вздохом: — Аварии — это да. Много народу гибнет. У меня тетка троюродная — всю семью в аварии потеряла, муж и двое детей. Сама выжила. А на кой?

Язвенница вздрогнула, и лицо ее посерело от испуга.

— Что вы говорите? — сказала она с опаской. — Как это на кой?

— Ну, на кой ей жить одинешенько? Когда семьи нет?

Язвенница замахала рукой.

— Что вы говорите, жуть какая.

Надя поняла, что спутница одинока и бездетна. Парень не согласился.

— Разная судьба, — рассказал он. — У нас орел один был — летал, как бешеный огурец. По встрече, по оврагам, буеракам... черт-те как, без дороги. Говорил: мне разбиться не суждено, — парень помрачнел. — Точно оказалось. Кто-то его ограбил и под электричку пристроил...

— Жуть какая, — повторила язвенница.

Она взяла стаканчик с зернами, вышла и вернулась, заварив зерна кипятком. Взяла ложку и стала перемешивать пузырящуюся неаппетитную кашу. Мужчины полезли вниз, и старший вытащил мутную бутылку с коньячной наклейкой.

— Вы, женщины, с нами на дорожку выпьете?

Язвенница при виде бутылки икнула, и запахло кислым.

— Нет-нет, — пробормотала она. — Вы сами. Я не могу.. не пью.

— И я не пью, — согласилась Надя. — После аварии бывает — голова болит.

Мужчины сели, разлили коньяк и с удовольствием выпили.

— Машин много развелось, — пожаловался старший. — Вот и аварии.

Парень хохотнул.

— А куда без машин? Универсальный механизм. На все случаи жизни годится. Мы с машинами на уток охотились, — он с увлечением стал рассказывать, захлебываясь. — В траву корма насыплешь, на полосу, и по ним едешь — из колес только бошки торчат. Правда, фарша много получается. Есть ту можно, какой голову отрезало, а тушка цела. Если по ней колесом проехать, из грязи биомассу доставай, есть нельзя.

Язвенница из серой сделалась зеленой.

— Мужчины, — проговорила она плачущим голосом. — Что ж вы рассказываете, жуть какая.

— И правда, — согласилась Надя возмущенно. — После ваших ужасов не заснешь.

— Это жизнь... — веско сказал старший, отрезал желтоватого сала и закусил.

Стемнело, и в вагоне зажглись прозрачные огни. Было много остановок, люди входили, выходили, протаскивали мимо сумки и баулы. Надя легла и задумалась, представляя, как она придет к мужу и как он удивится. Потом заснула. Когда проснулась, в щели экрана, закрывавшего окно, светлело. Кто-то из мужчин сильно храпел. Поезд стоял, вдалеке слышались голоса, дышать было нечем. Надя поднялась, накинула шерстяную кофту и вышла в тамбур.

— Где это мы? — спросила она у проводницы, но та не ответила. — Долго стоим?

— Двадцать минут, — сказала та и предостерегла: — Далеко не уходите, ждать не будет.

— Подышу, — сказала Надя. — А то кондиционер у вас не работает.

— Одни жалуются — что работает, другие — что не работает... Не угодишь! — крикнула проводница, скалясь и холодно сверкая зубами.

Надя спустилась на перрон и присела на скамейку. Было свежо. Над закопченным железнодорожным вокзалом розовело предрассветное небо, по путям ходили люди в форме. Блики играли на стеклах закрытого киоска. Несколько пассажиров из других вагонов курили. В конце платформы были свалены шпалы, и пахло креозотом. Металлический женский голос что-то невнятно объявил в охрипший динамик, на стрелке загорелся зеленый семафор, и к другой стороне платформы медленно подполз встречный поезд. Скрипнули тормоза, встали серебристые новенькие вагоны, и сонные лица лежащих людей растерянно замелькали в окнах. Откинулась лесенка, проводник выпустил из вагона ухоженного мужчину в красивом спортивном костюме, с небольшой бородкой и свернутой газетой в руке. Бородач степенно прошелся, с удовольствием дыша воздухом. Потом мельком посмотрел на Надю и отвел взгляд. Надя тоже отвернулась, удивляясь, что бородач оказался ей знакомым. Даже не лицо... не фигура... не внешность... все это было чужое, но глаза его она точно где-то раньше видела. Она задумалась, перебирая многочисленные городки и части, куда ее с мужем бросала судьба, но не вспомнила. Краем глаза она заметила, что бородач тоже уперся в нее взглядом и что лицезрение Нади не доставляет ему радости, напротив, — его передернуло, и брови сдвинулись с мучительным напряжением. Надя сердито опустила глаза. Бородач нервно затеребил газету и подошел.

— Извините, дама, за фамильярность, — сказал он твердо, обдавая Надю приятным запахом одеколона, и покачал головой. — Увидел вас — удивился... Очень на знакомую похожи.

Надя понимающе покивала, как бы говоря: случается. Ей стало неловко, что она в тапочках и затрапезной кофте — рядом с холеным, хорошо одетым и, видимо, богатым пассажиром.

— Очень похожи, — повторил бородач настойчиво. — Как живая... через двадцать лет.

Надя неприятно поджала губы, и у нее сорвался вопрос:

— Умерла, что ли... знакомая?

— Да, — сказал бородач трагично, не сводя глаз с Нади. — Помоложе вас была лет на десять. В остальном — копия.

— Скажете, — проворчала Надя недовольно. — На кого, может, родственники?

— На одноклассницу. Извините, я с незнакомым человеком... не подумайте. — На бородача накатило вдохновение, и он признался: — Нет у нее родственников, не осталось — точно. В одной деревне жили, знаю. Давний грех. Мы на мопеде разбились. Смотрю, не верю — вылитая Надюха, как живая.

— Господи! — пробормотала Надя.

— Да, — бородач скорбно вздохнул. — Давно... по молодости... Как будто в другой жизни. Школьники были, я водить-то не умел. А за руль сел и девочку взял. Меня убить мало... и даже не судили, подлеца. Сам себя сужу всю жизнь. Дураки бываем, не представляем, чем дело кончается.

— Чем кончается, — сказала Надя эхом.

— Да. Меня врачи по косточкам собрали, а она... — он с горечью махнул рукой.

Возникла пауза.

Надя молчала, кутаясь в кофту. Ей стало холодно, ударил озноб. Бородач, опустив голову, терзал газету.

— Такой груз, — сказал он. — Когда вас увидел, извините, не мог.. На всю жизнь ноша. Все время думаю: если бы я на том повороте на двадцать сантиметров вправо взял. Безмозглый... Брат ее из армии писал, грозил: мол, убью. Понять можно. Я бы тоже убил.

Надя издала невнятный звук, а бородач грустно поднял на нее глаза и еще всмотрелся в Надино лицо.

— Она, точно как вы бы сейчас, выглядела, — сообщил он. — Только помоложе. Был человек — и нет человека.

— Эээ... — только и выдавила Надя.

— И не исправишь, — продолжал бородач. — Что сделано, то сделано. Я пять лет назад приезжал в Калиново — памятник ей хороший поставил. Плита, гранит. Оградку подправил. Заплатил, чтобы следили, а то некому, родни нет. Но мертвому-то не нужно, понимаете, в чем беда.

— Калиново... — проронила Надя.

— Да. Вы не знаете где. Случайному человеку могу сказать: трудно с этим жить, не представляете. Когда молодой, не понимаешь. А чем старше, тем сильнее. Думаешь: дети могли у нее быть... скоро и внуки, — он вздохнул и добавил: — Дочку Надей назвал. Девять лет зимой будет. В секцию отдали, в плаванье.

— Сейчас отправляемся, — окликнула его проводница в элегантном красном костюме.

— Иду, иду, — засуетился бородач и попросался: — Извините, дама, — наверное, настроение испортил. Будем считать, это к счастью — примета. Удачи вам.

Он прыгнул в вагон, и окаменевшая Надя, застыв, проводила глазами живого, здорового и успешного Петю Ефимова. Плавно, без звука тронулся состав, поехал, набирая скорость, и перед Надей, встрепенувшейся прочесть, что за поезд, проплыли таблички с четкими буквами «Ленинград — Новокамск».

Название «Новокамск» закрутилось у Нади в голове. Она пыталась вспомнить, где это, но не знала, хотя после шатаний по стране хорошо представляла пермско-удмуртскую географию. Есть Нижнекамск... есть Нефтекамск... есть Соликамск... Новокамска — куда ходят прямые поезда из Ленинграда — нет. И тут она вспомнила, что города Ленинграда тоже не существует, и ее охватила паника. Странного поезда уже не было на вокзале, он исчез. Надя вернулась в вагон и легла на полку. Под свирепый храп ее душили слезы — то ли отчаяния, то ли обиды. Она могла смириться с тем, что где-то в далеком прошлом их общее время расщепилось, когда мопед на большой скорости, скользя по песчаной обочине, свалился в придорожную канаву, но не понимала: за что? Отчего на ее долю достались нелегкая судьба, вечное безденежье, бесправие, заброшенная воинская часть, дышащая на ладан... А есть другие страны и другие времена, где светло и уютно, как в детстве, но куда ей заказан доступ. И в ином мире, где ходят серебристые поезда, где строят новые города, где проводницы красивы и дружелюбны, где хулиганистый и туповатый Петя Ефимов благополучен и благообра-

зен, — ей, Наде, уготовано место на калиновском кладбище и некому смотреть за брошенной могилой...

Слезы текли на постель, лицо горело, было жарко. Надя налила холодной воды, жадно, залпом выпила стакан и уткнулась в твердую как камень железнодорожную подушку. Поезд тронулся, в голове затуманилось, и она поняла, что просыпается. Яркое солнце освещало вагон, звенели стаканы, с верхней полки свисали голые пятки. Надя привстала, щурясь от света, — за окном начинались питерские пригороды. Она с облегчением осознала, что видела сон и живой Петя Ефимов остался в нездоровых грезах, вызванных дорогой. Впереди был большой город, встреча с мужем, и ободренная Надя предвкушала, как пройдет по меланхоличным улицам и какой сюрприз сделает Алексею, — стараясь не замечать во рту отчетливый, недавний привкус свежей, холодной воды.